

КРАЕВЕДЕНИЕ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ

№ 6.

1928 г.

Г. П. В. в
СВЕТЛ.
1928.

Краеведный путь в исторической науке.

(Историко-культурные ландшафты.)

Н. П. Анциферов.

„Русская история, основанная на одной идее централизации, исключая идею областности, есть то же, что отрицание существенного, жизненного значения областных общин как разнообразных органов в составе и развитии целого политического организма всего народа“. Эти слова принадлежат русскому историку Щапову, указавшему ими краеведный путь исследователям в сфере истории.¹ Необходимость областного изучения истории мало-по-малу была осознана многими историками. Широко развившееся краеведное движение в области гуманитарных наук должно было содействовать этому направлению исторических интересов. Поместное изучение своего прошлого создаст отдельные клеточки, из которых сложится единое органическое целое в системе знания истории всей страны. Эта система знания будет иметь существенно иной аспект, чем та, которая была основана на идее централизации. Эта „федералистическая система“ осветит многие живые центры исторических земских процессов, которые оставались в тени, заслоненные столичными центрами. В „Краеведении“ был поставлен вопрос о пожалуйном методе в истории в связи с проблемой изучения местных архивов, дающих материал для освещения областной истории.² Задача намечена весьма насущная, над ее выполнением работают теперь многие историки-краеведы.

Однако возможности использования локального метода этим, конечно, не исчерпываются. Есть и иные пути, приковывающие внимание исследова-

¹ См. М. И. Успенский, „Краеведение в сочинениях А. П. Щапова“, „Краеведение“, № 3, 1926.

² См. С. Архангельский, „Локальный метод в исторической науке“, „Краеведение“, № 2, 1927.

теля к местному материалу. Место (locus¹) само по себе может явиться ценнейшим объектом исторических исследований. Никто не может отрицать исключительное значение архивных материалов для историка. Возможность погрузиться в изучение „хартий“, покрытых „пылью веков“, — заветная мечта всякого исследователя. Но и вне стен музеев, не только под крышами архивных помещений сохранены следы прошлого. Они рассеяны всюду. Нужно выйти из закрытых помещений под открытое небо, и на местах, где осело богатое историческое прошлое, можно найти обильные его следы, разнообразные документы, еще не изъятые из их естественной среды, хотя быть может совершенно изменившейся. Не таков ли путь историка-археолога? Археология изучает памятники материальной культуры, характеризующие быт далекого прошлого (причем хронологические границы не установлены). Археологи собирают эти остатки старины, часто извлекая их из тех мест, где они найдены. Однако все более и более отчетливо вырисовывается тенденция изучать не отдельные осколки былой жизни, а исследовать их в исторически сложившейся совокупности, при условии тщательного ознакомления с тем местом, где они обнаружены. Памятники быта изучаются в свете исторического ландшафта. То, что раньше вывозилось из Помпеи, из Херсонеса и т. д. и чем обогащались чужие музеи, теперь, возвращенное путем раскопок к жизни в новых условиях, сохраняется по возможности под тем же небом, на той же земле, по возможности в тени тех же деревьев, среди тех же камней. Памятники прошлого, возникшие в условиях своего времени и своего места, после того как волны иных времен пронесли над ними, как бы сильнее срастаются со своим местом, вырастают в родную, вековую почву.

Современные археологи стремятся сохранять памятники былого в их окружении. На смену коллекционерству возникли новые потребности целостного изучения. Целокупное знание, ставшее лозунгом нашего времени, порождает новые методы работы. Ничтожные детали в плане общего приобрели в системе знания свое значение. Части, познаваемые через целое, и целое, познаваемое через части, — вот принцип органического познания. Коллективизм, как принцип в социальных отношениях, и целокупность, как задача познания — одно с другим имеет внутреннее сродство. Целокупное знание обуславливает необходимость изучать явления в их естественной среде. Для историка-исследователя памятников материальной культуры место и явится в значительной мере „естественной средой“; как бы ни были велики происшедшие изменения, все же от „среды“ нечто остается. Пусть осталось очень мало, но может быть эти остатки окажутся особенно ценными для исследователя.

¹ От латинского слова locus (место) и происходит термин „локальный“.

Итак локальный метод в истории — это не только изучение местной (краевой) истории в ее архивах, это — изучение и тех мест, которые были носителями историко-культурных явлений. Локальный метод есть изучение истории на местах.

К сожалению, между археологией и историей нет еще должных всесторонне развившихся связей. Археолог своими методами обычно исследует материальные памятники более или менее отдаленных культур, историк — политические, социальные и экономические явления — в значительной мере на основе архивных документов.

Русская историческая школа мало обнаружила интереса к изучению тех мест, где совершались крупные исторические события, мест, которые были носителями значительных явлений или, наконец, которые служили ареной жизни и деятельности выдающихся личностей. Несравненно ярче эти интересы обнаружились в западно-европейских научных школах (напр., немецкой, итальянской и особенно французской).

Интерес к местам имеет весьма древнюю традицию. Посещение тех местностей, где совершались великие события, — старая психологическая потребность. В старину эти посещения имели значение паломничества. Люди ходили поклоняться религиозным или национальным святыням. Сознание, что памятное событие было здесь, на этой земле, приобретало магическую власть над благочестивыми паломниками. Словно место, ознаменованное великим событием, таит в себе способность побеждать время. Нашему восприятию кажется, что места впитали в себя и хранят долю энергии, излученную памятными событиями, потрясавшими некогда общественное сознание. Общение с местом становится путем приобщения к великому событию. „Здесь это было“ — и оживает прошлое. Такова возрождающая сила историко-топографического чувства.

Свидетельства о нем мы находим в глубокой древности. Чрезвычайно интересен рассказ Плутарха о посещении Александром Македонским могил героев гомеровского эпоса под древним Илионом. „Он намазался маслом, обежал вместе с друзьями, обнаженный, как то требовал обычай, колонну в память Ахиллеса и возложил на нее венок, завидуя герою“. Быть может в этом ритуальном беге Александр думал получить и долю героической силы Ахиллеса. В этом эпизоде ярко выражен культовый момент.

Иное содержание вкладывает в посещение памятных мест в своей летописи Тацит. Германик посетил знаменитый по Актийской победе залив и посвященную Августом военную добычу, а также лагерь Антония, будучи погружен в воспоминания о своих предках (кн. 2-я, гл. 53). Здесь посещение места имело значение поминания. Характерной чертой средневекового быта было паломничество ко „святым местам“. В основе этого явления лежало то же историко-топографическое чувство. Нельзя не учесть его роль в том

сложном процессе, который получил название „Крестовых походов в Святую землю“. Святые становятся другими, но отношение к ним в своей основе остается прежним. Для того чтобы понять эти столь далекие нам переживания, нужно обратиться к своему собственному опыту, поскольку в нас живет любовь к своему прошлому. Каждый когда-нибудь пережил то состояние души, которое так хорошо выразил Пушкин в своих стихах:

Вночь я посетил
Тот уголок земли. . .

Этот опыт самонаблюдения поможет нам понять природу историко-топографического чувства.

Современная культура не склонна создавать этот культ мест чтимых событий в той мере, как это было в предшествующие эпохи. И все же в каждой стране, у каждого народа, у каждой эпохи найдутся примеры своего рода культа мест, притягивающих волны паломников. И кто решится отрицать за этим явлением известное воспитательное значение в общественном смысле? Так в Швейцарии молодых граждан республики водят на берег Фирвальдштеттского озера в долину Рютли, где граждане трех лесных кантонов (Швица, Ури, Унтервальдена) связали себя клятвой бороться за свободу.

Сюда собрались наши деды
Ради свободы и родного добра.

(Народный гимн, посвященный Рютли.)

В старой России, мало любившей свое прошлое, не создано мест, отмеченных любовью народной, кроме некоторых центров религиозного культа (Киев, озеро Светлояр). Только со времени революции наметились памятные пункты, вызывающие живой интерес в широких массах: Петропавловская крепость, Шлиссельбург, Таврический дворец, Смольный да Красная площадь. С этими памятниками борьбы связан сложный комплекс дум и надежд. Но рассматривать их в одной линии с вышеназванными местами, конечно, по многим причинам нельзя. Желание побывать на этих местах, увидеть молчаливых свидетелей недавнего прошлого сочетается, конечно, и с чисто познавательным интересом. Не только пережить, но и узнать нечто от этого посещения — вот что влечет эти тысячи посетителей. Все эти места, конечно, документы, и наука должна помочь правильно ими пользоваться в интересах исторического знания.

Наука должна разработать локальный метод.

В русской историографии мы имеем прекрасные примеры использования историком географических ландшафтов. Но этих примеров немного. Русские историки чувствуют себя увереннее в работах над письменными памятниками, собранными в архивах. Тяга к местам в русской историографии не оставила

многочисленных следов. Тем интереснее отметить в трудах В. О. Ключевского выразительные страницы, характеризующие ландшафты, на фоне которых слагались социальные процессы нашего прошлого. Как не вспомнить здесь 4-ю лекцию его курса, где устанавливается связь между природой страны и историей народа, где дается оценка основных стихий природы русской равнины (лес, степь, река) как исторических факторов! Лес, который был „многовековой обстановкой русской жизни“, оказавший „русскому человеку разнообразные услуги хозяйственные, политические и даже нравственные“. „Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки... Лес служил русскому человеку Фиваидской пустыней, убежищем от соблазнов мира“. Степь, „поле“, оказывала другие услуги и порождала другие впечатления... Трудно сказать, насколько степь широкая, раздольная, как величает ее песня, своим простором, которому конца нет, воспитывал в древнерусском южанине чувство шири и дали, представление о просторном горизонте, „окоеме“, как говорили в старину. Но вместе с тем „она была вечной угрозой для древней Руси“ (борьба со степным кочевником). Река воспитала дух восприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляя промышленять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товарами и опытом, знать обхождение“.

Эти отрывки нужно вспомнить. Они приковывают внимание к тому, что лежит за пределами письменных памятников, познание чего требует „мыслящего взора“. В. О. Ключевский дает нам в этих словах оценку природных факторов всей великой равнины. Этот географический ландшафт есть построение, которое не вытекает из опыта личного общения с местами, которое все же может быть построено и на основе письменных памятников. И только особенность стиля нашего историка говорит о том, что он вложил много личного в свое описание, личного, конечно, не в смысле произвольного, а в смысле пережитого и продуманного на почве своего опыта. На ряду с такими характеристиками, охватывающими всю страну, мы можем найти у В. О. Ключевского описание небольших историко-культурных ландшафтов в их природной раме.

„Заволжский север и северо-восток и теперь не везде доступен заселению. 400 или 500 лет тому назад поселенец с великим трудом искал здесь твердого и чистого места, где бы можно было безопасно и с некоторым удобством поставить ногу. Стоя на возвышенном холме у стены какого-нибудь северного монастыря и рассматривая открывающийся перед ним широкий вид, мы часто удивляемся эстетическому чутью, которое указывало это место. При этом мы забываем, что четыре века назад этого ландшафта не было видно из-за леса и во всей окрестности этот холм был, может быть, един-

ственным обитаемым пунктом".¹ На таких холмах-„островах“ возникали княжеские усадьбы, завязывались социальные узлы уделов. „Небольшие бассейны рек того края — Сулы, Кеми, Андога, Ухтомы, Сити, Мологи, Кубени, Бохтоги — представляли такие недавно заселенные или только еще заселявшиеся острова, открытые и сухие прогалины среди моря лесов и болот. Когда для счастливо размножавшихся князей упомянутых линий надобились отдельные участки в их вотчинах, эти речные округа и области служили готовым основанием для удельных делений и подразделений. Так возникали в XIV и XV вв. все эти мелкие княжества: Кемское, Андожское, Ухтомское, Ситское, Кубенское, Бохтогинское и многие другие, называвшиеся по именам рек, бассейнами которых, даже не всегда целыми бассейнами, ограничивались их территории“. В этом описании мы узнаем черты страны в уже более тесном смысле, черты края. Здесь очерчена та природная канва, на которой социальный порядок выводил свои узоры. В. О. Ключевский рисует образ такой удельной ячейки. „Самая резиденция иногo удельного князя в этом краю имела вид простой боярской усадьбы, одинокого большого двора при погосте. В житии преп. Иоасафа Кубенского есть маленькая, но очень изобразительная картинка местопребывания его отца, Заозерского князя Дмитрия Васильевича, одного из удельных князей Ярославской линии (XIV и XV вв.): на реке Кубени стоял его княжеский двор, подле храм св. Дмитрия Солунского, вероятно, им же и построенный в честь Своего ангела; в стороне от княжеского двора „весь“ Чирково, которая вместе с ним служила приходом этого храма: „весь же, зовома Чиркова, к нему прихожаше“. Вот и все. В этой маленькой картинке дан в высшей степени живой, конкретный образ удельной ячейки.

Во всех этих цитатах мы видим, что В. О. Ключевский стремился к изучению историко-культурных ландшафтов. Он высоко ценит их значение для работ историка. Иногда конкретизация образа приводит его к словам: „стоя на возвышенном холму у стены какого-нибудь монастыря“. Как будто здесь мы имеем вполне ясное применение локального метода. Мы видим историка, посетившего те места, которые были носителями исследуемого им прошлого. Чрезвычайно, однако, характерны слова: „у стены какого-нибудь монастыря“. Здесь дается не индивидуальный ландшафт, а очерченный типически. Один образ может быть заменен другим, аналогичным. Всюду установка на обобщение. Нигде мы не встретим непосредственного исследования данного места историком. Нигде нет индивидуального образа, который кладется в основу обобщающей работы историка. „Изобразительная картинка“ взята из писем былого, но не из непосредственных впечатлений от места. По крайней мере в тексте В. О. Ключевского нет об этом

¹ См. „Боярская дума древней Руси“.

ни слова. Трудно найти в русской историографии страницы, где исследовательская работа памятников письменности сочетается с работой над непосредственным изучением тех мест, где можно не только найти следы былого, где сохраняется еще, быть может, не мало от того природного и культурного ландшафта, который был носителем исторических событий и социальных явлений. К сожалению, для иллюстрации этой мысли нужно обратиться к примерам, далеким от непосредственных интересов краеведения, к примерам отдаленных эпох чужих стран и культур. Но в этих примерах наши краеведы найдут интересные опыты применения локального метода. Эти опыты нам нужно знать, чтобы повторить их на том материале, который имеет большое значение для задач текущей краеведной работы. Краеведу-историку нужно прежде всего отправляться от своего края, от своих мест, с которыми он связан своей жизнью, своей работой. Его не может не интересовать само место, невольно влекущее к себе его исследовательскую мысль.

Итак обратимся к историкам, изучавшим Западную Европу.

Эрнест Ренан всем своим историческим трудом стремился выявить значение общения с местами, связанными с изучаемыми им событиями. Он в своей критической работе как бы вызывал новых свидетелей для нахождения научной правды. В основе его многотомного труда лежат ландшафты природные и историко-культурные, воссозданные им путем изучения их на местах. Быть может именно эта особенность является одною из наиболее ценных черт его исследовательского метода. Прекрасно использованы ландшафты Кампании и Умбрии историком П. Сабатье для характеристики зарождавшегося францисканского движения.

Русский ученый, историк проф. И. М. Гревс применил локальный метод в своем известном труде „Очерки из истории римского землевладения“. После продолжительной, углубленной работы над разнообразными источниками исследователь почувствовал тягу к тому месту, над изучением которого он работал. В главе „Поместье Горация¹ в Сабинской земле“ описывается посещение названной местности. Этот опыт применения локального метода столь интересен, что на нем следует остановиться подробнее. „Личное впечатление, собственный непосредственный взгляд на местность, в особенности в такой стране, как Италия, где и в природе, и в жителях, и в памятниках сохраняется столько живых и мертвых следов старины, удивительно хорошо иллюстрирует описание самого Горация; оно усиливает его конкретную художественную целостность. Древняя землевладельческая единица отчетливо тогда возникает перед глазами. Пишущему эти строки удалось побывать в Викоvaro и окрестностях летом 1893 г., и внимательная прогулка по холмам долины Дигенции прекрасно

¹ Римский поэт первого века до н. эры.

выяснила некоторые пункты в составившемся теоретически представлении, а весь пейзаж в его привлекательной своеобразности нарисовал в воображении живую картину того, чем должно было быть поместье Горация. Века наложили лишь некоторую печать на природу; новые виды культуры мало изменили почву и характер растительности, и общая картина осталась поразительно похожей на мастерскую живопись поэта. От виллы не сохранилось несомненных следов; но невольно чувствуется, что она должна была возвышаться именно где-нибудь здесь. Кругом видятся те же очертания горизонта и тот же рельеф поверхности; в представлении возникает тот же ландшафт, окутанный тем же прозрачным воздухом, с тем же чудным темно-синим небом, который столько раз воспет поэтом, составляя прелестную раму самых задушевных его произведений. Перед глазами то же нагромождение холмов на спуске от довольно высокой гряды гор к текущей внизу Дигенции, которые придают местности оригинальную подвижность. Под ногами тот же ключ живой холодной воды бежит вниз по камням в реку. Всюду по деревьям вьются, хоть и плохие, виноградные лозы, по склонам растут орешники, масличные деревья и великолепные каменные дубы. Вверху видны заросли, внизу луга, и кругом замечаются даже еще большие, чем во времена Горация, уединение и пустота. Таково общее впечатление. Оно сильно поддерживает изученные топографические данные, и можно смело утверждать, что вилла поэта была наверно расположена в этом приблизительно месте и, несомненно, в этой долине, орошаемой Дигенцией, на склонах Корньялето, около Рокка-Дживине, недалеко от Виковаро и Барделлы".

В этом отрывке дается не только основная мысль о важности личных впечатлений от места для целостного образа прошлого, но и производится особая работа над ландшафтом — выделяется из того, что видно теперь, все то, что было и тогда, в эпоху, изучаемую исследователем. Путем этого выделения устанавливается живая, конкретная связь с былым.

После наблюдения ландшафта в целом, исследователь ставит перед собой ряд определенных вопросов. Чтобы судить о величине имения Горация, не лишне бросить взгляд на самую конфигурацию местности, где оно должно быть расположено. Затем следует произвести описание земли поэта, по возможности точно, его же словами, т. е. идя за ним, как за самым верным руководителем. Сравнение топографического обозрения с картиной, извлеченной из стихотворений поэта-владельца, может привести к известному выводу относительно размеров площади, которую занимало имение. Так намечается самый метод работы. Исследователь шаг за шагом восстанавливает возможный план имения: место усадьбы, сада, службы, виноградников, па-

хотного поля, пустошей, леса, зарослей кустарников, выгонов. После тщательного исследования места (своего рода „исследовательская экскурсия“) автор дает полную картину, зрительно и моторно проработанную, имения Горация. Конечно, подобное применение локального метода будет иметь научную ценность только в том случае, если исследователь соединит ее с той предварительной работой над разнообразного типа источниками, которая была проделана в данном случае проф. И. М. Гревсом.

На основании приведенного примера мы можем сделать некоторые выводы. Общение с местом важно, прежде всего, для самого исследователя. Ему оно дает бесконечно много. Он получает ничем незаменимый опыт приобщения к историческому и природному ландшафту. Уже одно это не может так или иначе не отозваться на характере работы. Нельзя не учесть не только в научной, но и во всякой производственной деятельности душевной настроенности работающего. И именно в этом отношении общение с местом дает так много. Ведь надо же согласиться с тем, что переживание есть тоже один из путей познания! Далее, посещение места облегчает возможность восстановления целостного образа изучаемого явления, конкретизируя его по сохранившимся частям, как бы малы они ни были. И, наконец, исследование места дает возможность ответить на ряд конкретных вопросов, возникших в подготовительный период исследовательской работы по документам.

Приведенный здесь пример может быть назван „археологической прогулкой“. Работа велась по природному ландшафту* в интересах культурно-исторического исследования. Следует рассмотреть примеры из недавнего прошлого, где памятники материальной культуры не только сохранились, но в той или другой форме участвуют в жизни современности. Для иллюстрации возьмем несколько примеров из истории Великой французской революции. Один из наиболее интересных исследователей этой эпохи (Жюль Мишле) в главе „Кордельеры“ из „Истории Французской революции“ выдвигает положение: „Места имеют свои судьбы“ и прослеживает перипетии двух монастырей: „кордельеров“ (францисканского ордена) и якобинцев (доминиканского ордена). Интересно построение главы о кордельерах. Она начинается с описания старого монастыря. „Почти напротив медицинской школы, в глубине двора виднеется часовня сильного и строгого стиля. Там — грот сивиллы Революции, клуб кордельеров.... Низкий и все же поддержанный массивными контрфорсами свод должен быть вечным: он слышал голос Дантона и не рухнул.... Ныне унылый хирургический музей.... В глубине здания идут темные залы, где на черном мраморе рассекают трупы. Первоначально соседняя богадельня вместе с часовней была трапециевидной францисканцев и их знаменитую школу. Между обоими зданиями вы-

силась их церковь, громадный и мрачный корабль, полный надгробных мраморов. Ныне все это разрушено. В подземной церкви внизу помещалась одно время типография Марата....

„Места имеют свои странные судьбы....“

Ж. Мишле от документов перешел к сохранившимся памятникам. Он вошел под своды старых домов. Отметил исчезнувшее, наблюдал современную ему жизнь, свившую себе там гнездо, и мысленно прослеживал те исторические явления и события, которые, уносимые потоком времени, протекли под этими сводами.

Нельзя во всем согласиться с Ж. Мишле. Его попытка установить внутреннее сродство, конечно, учитывая диалектику исторического развития, между францисканцами и кордельерами, с одной стороны, и между доминиканцами и якобинцами, с другой, — может быть признана более остроумной, чем убедительной. Здесь мы видим пример переоценки власти места. Далее — уже более удачное применение локального метода. Характеризуя группу кордельеров, Ж. Мишле пишет: „Тем не менее, несмотря на подобные различия, на индивидуальные инстинкты, у них, несомненно, была связь, как бы общий магнит. Кордельеры образовали что-то в роде клана; все жили вокруг клуба: Марат на той же улице, почти насупротив, в башенке или рядом; Демулен и Фрерон вместе — на улице Старой Комедии; Дантон — в Торговом проезде; Клоотц — на улице Жакоб, Лежандр — в квартале Мясников, на улице Бушери-Сен-Жермен“.

Эта попытка найти адреса революционеров, определить расположение их квартир, выявить столь ярко выраженное стремление жить поближе друг от друга и от своего клуба, — все это уже подготавливает некоторый материал для осторожных обобщений. Увлечение ими Ж. Мишле объясняется отчасти его личными особенностями, отчасти менее строгими требованиями середины XIX века к исторической науке. Все это, конечно, нужно учесть. А опыты этого блестящего представителя французской историографии заслуживают внимания.

Более разработан локальный метод современным французским историком Г. Ленотром (G. Lenotre), написавшим интересную серию книг под общим заглавием „Старые дома, старые письма“.

Г. Ленотр в „старых письменах“ видит не только подлинники в том смысле, что можно довериться их тексту, как факту жизни прошлого, как бы к самому факту критически ни относиться. Для него „старые письма“ „хранят частицу жизни тех, кто их начертал, и, читая их, обретаешь радости или страдания, которые они когда-то несли“. В архивах, где собраны эти „старые письма“, Г. Ленотр уже испытывает непосредственное общение с прошлым, которое заключено, схоронено в этих „письменных памятниках“. Еще определеннее автор выражает свою мысль, когда он обращается

к документам другого рода — к „старым домам“. Не впитывают ли камни частицу жизни тех существ, которым дают приют? Не позволительно ли думать, что некий флюид от прежних обитателей струится долго спустя после того, как их самих уже нет в этих стенах? Если нет, то откуда эта могучая притягательная сила вещей? Как объяснить, что именно здесь, более чем где-либо, устанавливается таинственное общение с прошлым? На склоне дня, в молчании пустынных улиц, этот дом, где сложился Сен-Жюст, где он страдал, где он пылал гневом, где он познал радость триумфа, — этот дом притягивает и волнует“.

Формулировки Г. Лено тра могут навести читателя на смущающие мысли. Здесь не место, конечно, интерпретировать, в связи с общим его мировоззрением, некоторые оттенки его идей. Для нас важно установить следующее: памятные места (в данном случае дома), действуя на наше сознание, являются в о з б у д и т е л я м и различных мыслей и чувств, сближающих нас с минувшим временем. Этот совершенно объективный факт должен быть учтен всяким, кто интересуется прошлым.

Г. Лено тр приводит описание „старого дома“, взволновавшего его генью революционного вождя.

„Этот дом еще существует; дверь и одно из окон старого фасада замурованы; крапива покрыла крыльцо, наглухо забитое, где, с высоты двух ступеней еще видных среди сорных трав, он (Сен-Жюст) говорил в тот вечер (возвращение в Блеранкур после избрания в Конвент) со своими согражданами; порог, который он переступил некогда, в иную сентябрьскую ночь, убегая из отчего дома.... Заложенные дверь и окно делают слепым обветшавший фасад, но через отверстие можно проникнуть в прежнюю залу, превращенную в сарай. Там, за пустыми тележками, еще виднеется, на уровне с прежним полом, деревянное обрамление камина, покрытое черной краской. Там же находится деревянная рама от трюмо. Больше в жилище ничего не изменилось, даже аллея грабов в конце сада, вдоль маленького ручейка, все так же зелена и ветвиста; ее называют аллеей Сен-Жюста“.

В этом внимательном описании, согретом подлинным чувством, автор старается передать конкретные, индивидуальные черты „старого дома“, в котором живет память о Сен-Жюсте. Посещая его жилище, Г. Лено тр почувствовал новую связь с вождем монтаньяров.

Как много таких памятных русской общественности домов исчезает с каждым годом! Как приходится жалеть о гибели деревянного домика Петрашевского в тихой Коломне, где собирался кружок русских фурьеристов и среди них великий Достоевский. Искалечен уничтожением колоннады дом Пестеля в Тульчине. В плачевном состоянии находится дом Радищева в с. Верхнем Аблязове, Кузнецкого уезда, Саратовской губ. Всего не сохранить; но зарисо-

вать, фотографировать, описать все, несомненно ценное для историка, возможно и должно. При этом нужно собрать и все дополнительные сведения, связанные с подобным „старым домом“, чтобы его воспоминания стали известны обществу. Не все исторически ценное можно превратить в музей, да и не нужно. Но необходимо все взять на учет, все изучить, что имеет значение для науки и для искусства. И краеведные организации в этом деле могут сыграть выдающуюся роль.

Для Г. Ленотра большое значение имело то обстоятельство, что ему удалось найти внучатую племянницу Сен-Жюста и ощутить в „старом доме“ связь между сменяющимися поколениями. Это придавало всей обстановке особую прелесть.

„В домике, где живет всеми любимая и уважаемая внучатая племянница члена Конвента, я пережил несколько драгоценных часов. На стене — воспоминания о нем: этажерка с книгой, которой он дорожил в Суассоне, голова Антиноя, им самим нарисованная (Сен-Жюста находили похожим на этого античного пастуха Н. А.), его портрет пастелью в высоком галстуке, с напудренными волосами, с выражением мечтательным и печальным. „Мой бедный дядя Антуан“, — сказала мадам Х...., показывая мне эти семейные реликвии. Этот „бедный дядя Антуан“ — это Сен-Жюст... и эти слова, слетевшие с уст кроткой и печальной женщины, прозвучали для меня как отпущение....“ Эти взволнованные слова Г. Ленотра — свидетельствуют о той силе впечатления, которое он вынес из посещения „старого дома“. Эта живая, непрерывающаяся связь с былой жизнью может иметь большое значение для каждого, кто ценит в истории не только познание закономерных процессов, но и постижение подлинной связи времен.

Для нашего поколения, для любящих Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, большим счастьем является возможность побывать в Ясной Поляне и встретить там преданную дочь писателя Александру Львовну или, посетив в Ялте дачу А. П. Чехова, найти там его сестру Марию Павловну. Обе они стоят на страже этих гнезд великих писателей, содействуя их охране, изучению и популяризации, встречая посетителей и делясь с ними своими знаниями, согретыми личным опытом.

Г. Ленотр не ограничивается описанием „старых домов“. Он внимательно изучает биографическую топографию. Весьма интересны его описания Парижа, в связи с появлением в нем юного Бонапарта. Исследователь по тщательно проверенным биографическим данным прослеживает жизненную нить Наполеона, связующую его с различными уголками революционного Парижа. Г. Ленотр восстанавливает картину порта Сен-Поль, к которому подплыла из Бургундии баржа — „пловучий дом“, привозившая виноград, бочки и кормилиц. С этой баржи сошел 19 апреля 1787 г. с тощим узелком худой, неловкий, смуглый подросток. Г. Ленотр кончает

описание детально восстановленной бытовой картины с массой мелких живописных подробностей словами: „Таким-то вот образом Наполеон в первый раз соприкоснулся с великим городом, который спустя 15 лет, ослепленный и покоренный, принужден будет предаться ему“. Далее Г. Ленокс прослеживает каждый шаг Бонапарта: путь через Мариинский мост, заход в трактирчик „Храбрый петух“ на улице „Двух мостов“, набережная, где приютились ларьки букинистов и где Бонапарт купил, заняв у спутника деньги, Жиль-Блаза, церковь Сен-Жермен-де-Прэ, куда зашли приезжие на молитву, и, наконец, приход их в военную школу. Г. Ленокс произвел обследование этого здания в поисках „кельи“ Бонапарта, но ничего достоверного не нашел. Молодой корсиканец покинул Париж в чине подпоручика 30 апреля 1785 года и вернулся туда только два года спустя. Наполеон поселился в отеле Шербург, на улице Фур-Сент-Оноре. Само название исчезло, казалось, что исчез и отель Шербург. Однако Г. Леноксу удалось под свежим слоем окраски одного из домов (№ 33) найти высеченную на камне надпись „Шербург“. Это один из „старых домов“, тщательно и художественно описанных Г. Леноксом.

У нас найдется не мало исторических деятелей (среди них революционеров), писателей, художников и т. д., имена которых дороги народной памяти, но у нас еще нет исследователей типа Г. Ленокса. Конечно, многие, изучившие прошлое своих городов, различными путями разыскали нужные для нашего общества „старые дома“. Интересна в этом отношении, например, книжка П. Н. Столпянского: „Революционный Петербург“, в которой отмечены все места, памятные в истории революционного движения. Этого недостаточно. Нужно уметь создать тот историко-бытовой фон, нужно нарисовать те образы „старых домов“ с такой научной точностью и художественной силой, которые мы находим в работах Г. Ленокса, образы, столь насыщенные историко-топографическим чувством.

В этой связи следует отметить опыты наших экскурсионистов, прорабатывавших темы по городу, посвященные революционному движению, а также темы историко-культурные. Экскурсионисты отыскали, определили и описали не мало остатков материальной культуры, связанных с различными историческими процессами.

„Старые письма“ и „старые дома“ Г. Ленокса символизируют два русла исторических исследований: работы в архиве и работы на местах „под открытым небом“. В первой области нашей историографией сделано уже очень много, хотя и предстоит еще титаническая работа по изучению одних только уже собранных материалов. В области же изучения памятников материальной культуры на местах еще мало достигнуто историками-обществоведами. При этом, конечно, нельзя не отметить, что здесь велики заслуги искусствоведов, археологов и

этнографов. Историками же локальный метод применяется сравнительно редко. Эпоху в ее исторической целостности можно восстановить только при условии использования не только письмен, но и немых памятников, изученных по возможности на местах. Нельзя, конечно, отрицать, что локальный метод разработан мало, и рано считать его надежным и мощным орудием исторических штудий, он только слагается. Прочных, незабываемых достижений еще дать не успел, но можно ли сомневаться в том, что ему принадлежит будущее!

Критическая мысль ученых не могла пройти мимо тех опасностей, которые заключает в себе локальный метод. В. О. Ключевский справедливо предостерегает против модернизации при истолковании исторических явлений. „Припоминая, как мы с высоты нижегородского кремля любовались видом двигавшегося перед нашими глазами могучего потока и перспективой равнинной заволжской дали, мы готовы думать, что и древние основатели Нижнего, русские люди XIII века, выбирая опорный пункт для борьбы с мордвой и другими поволжскими инородцами, тоже давали себе досуг постоять перед этим ландшафтом и между прочим под его обаянием решили основать укрепленный город при слиянии Оки с Волгой“. Такое перенесение наших переживаний в души наших предков очень соблазнительно и часто происходит совершенно бессознательно. Но трезвая мысль исследователя должна установить границы применения локального метода. Он является одним из методов и только в связи с большой работой по изучению эпохи может быть применяем без риска. Но в таком же положении находится большинство других методов, которыми пользуются историки. В. О. Ключевский, относясь с опаской к истолкованию „таинственного процесса“ восприятия природы, вполне рекомендует исследование культурных ландшафтов. „Другое дело — вид людских жилищ: здесь меньше субъективного и больше исторически уловимого, чем во впечатлениях, воспринимаемых от внешней природы“.

Наиболее доступна в настоящее время для науки область изучения природных и культурных ландшафтов, как таковых, без попыток пользоваться этим для интерпретации психологии исторических деятелей, творцов художественных ценностей и т. д. Такая работа чрезвычайно нужна уже теперь, и в этой области можно пользоваться локальным методом без особой опасности притти к мало обоснованным положениям. Как важно для понимания русской культуры XVII века изучить ландшафт Ярославля с его выгодным расположением на стыке торговых путей, с его красочными, полными динамики форм церквами, с пестрыми веселыми изразцами, с богатыми росписями стен! На ярославские фрески наложили свою печать и оживленная мысль крупного торгового центра, и фантастика сказок востока, и реалистические черты ярославского быта (утварь, одежда, крестьянские

избы). Эти фрески полны движения, интереса к рассказу, к драматическим положениям, к бытовым подробностям, ко всей красочной суете „мира сего“. Все впечатления, накапливающиеся в Ярославле от памятников старины, раскрывают такие страницы истории нашей культуры, которых не могут заметить никакие архивные изыскания.

Киев на своих высотах, где стояли терема, „Золотые ворота“, церкви, монастыри, где был княжеский, господствующий город и Подол внизу, его торговая часть, прилегающая к пристани, омываемой быстрыми водами широкого Днепра, — Киев, в котором сохранилось так много остатков различных культур: украинской, польской, русской, слитых в один целый, незабываемый образ! Как много для понимания социальных отношений, национальной борьбы этого богатого прошлым края дает этот ландшафт! Совсем в иной мир переносит нас Омск, этот безлесный город, широко расплзшийся по степи своими бесконечными прямыми улицами и пространными пустынными площадями, где так часто степной ветер гоняет с воем тучи пыли, где неожиданно слышен тоскливый крик верблюда. Этот город — некогда крепость (там был и острог — „Мертвый дом“ Достоевского), административный центр, где, во-круг стен и бастионов да группы казенных домов-учреждений, кварталы деревянных домишек — „форштадты“ и казацки „слободы“. Как ясно говорит ландшафт Омска о захвате русской государственностью огромных территорий Сибири! Ландшафт Симбирска (теперь Ульяновск) дает ясное представление о городе-потребителе, некогда заселенном дворянами, которые из своих поместий перенесли свои усадьбы, образовавшие город. Ландшафт Иваново-Вознесенска рассказывает о „русском Манчестере“. Научный анализ ландшафтов городов, сделанный историками, дал бы огромный, ничем незаменимый материал для характеристики исторических процессов.

У Герцена есть прекрасное описание Венеции, в котором он „мыслящим взором“ вскрывает ее историческое значение. „Один поверхностный взгляд на Венецию показывает, что это — город крепкий волей, сильный умом, республиканский, торговый, олигархический, что это — узел, которым привязано что-то за водами, — торговый склад под военным флагом; город шумного веча и беззвучный город тайных совещаний и мер; на его площади толчется с утра до ночи все население, и, молча, текут из него реки улиц в море. Пока толпа шумит и кричит на площади св. Марка, никем не замеченная лодка скользит и пропадает; кто знает, что под ее черным пологом? Как тут было не топить людей возле любовных свиданий!

Люди, чувствовавшие себя дома в Palazzo ducale,¹ должны были иметь своеобразный закал. Они не останавливались ни перед чем. Земли нет, деревьев нет, что за беда! Давайте еще больше резных каменьев, больше-ор-

¹ Дворец дожей.

наментов, золота, мозаики, ваянья, картин, фресок. Тут остался пустой угол: худого бога морей с длинной, мокрой бородой—в угол. Тут порожний уступ: еще льва с крыльями и с евангелием св. Марка. Там голо, пусто: ковер из мрамора и мозаики туда. Кружева из порфира—туда. Победа над турками или Генуей, папа ли ищет дружбы города,—еще мрамора, целую стену покрыть иссеченной занавесью, и, главное, еще картин! Павел Веронезе, Тинторетто, Тициан—за кисть, на помост: каждый шаг торжественного шествия морской красавицы должен быть записан потомству кистью и резцом. И так был живуч дух, обитавший в этих камнях, что мало было новых путей и новых приморских городов, Колумба и Васко-де-Гама, чтоб сокрушить его“.

Нужен талант Герцена, чтобы „одним поверхностным взглядом“ так уловить основные черты города и так их истолковать. У историка такая картина явится в результате синтезирования его длительных трудов над документами. Герцен намечает путь, он не ученый и не претендует им быть. Нельзя в науке ограничиться интуицией. Но интуиция указывает путь, по которому нужно пройти во всеоружии строгой науки. Изучить эти ландшафты—задача не только искусствоведов, археологов,¹ но и обществоведов.

Интересны опыты изучения ландшафтов в связи с изучением отдельных событий. В военной науке более или менее изучены поля битв с точки зрения интересов стратегии. Улицы, где имели место революционные выступления, исследованы мало, а между тем вопросы революционной тактики могут быть изучаемы плодотворно только при условии применения локального метода. Ландшафтами историки пользуются мало для уяснения хода событий.

При изучении отдельных личностей, в которых наиболее ярко сказалась эпоха, также большое значение имеет ознакомление с местами, связанными с их жизнью и творчеством. Об этом уже было сказано выше. В недавно вышедшей книге проф. Н. К. Пиксанова „Областные культурные гнезда“ сделан ряд подобных опытов. Особенно выразителен пример, выясняющий корни такого крупного и загадочного явления, как Ломоносов, в связи с характеристикой его края. Весьма выразителен эпитаф, взятый из Гёте: „Кто хочет понять писателя, должен посетить его край“.

В настоящее время в Институте Маркса и Энгельса при кабинете истории Германии организован особый отдел по истории Рейнской провинции в виду того значения, которое она имеет для биографий Маркса и Энгельса. При этом приняты во внимание как высокое экономическое развитие этой области, так и ее роль в качестве территории, на которой тесно со-

¹ Интересующиеся географическими ландшафтами найдут много ценного в труде В. П. Семенова-Тян-Шанского „Город и деревня“.

прикасались две культуры — французская и немецкая. Все эти материалы должны служить в ближайшее время для составления тех комментариев, которыми Институт сопровождает свое академическое издание собрания сочинений Маркса и Энгельса, а в дальнейшем — для той научной биографии, разработка которой составляет одну из главных задач Института. Материалы разрабатываются двумя кабинетами Института: кабинет Маркса и Энгельса, под непосредственным руководством т. Д. Б. Рязанова, и кабинет истории Германии под руководством тов. Э. Цобель.

Этот вид применения локального метода в целях истолкования событий и личности — особенно труден.

Наиболее доступной представляется работа по изучению бытовых остатков.

Многие элементы быта прошлых веков сохраняются, постепенно отмирая, в различных местах нашей страны. Когда-то тесно связанные со всем комплексом своей эпохи, они еще, как отдельные звенья рассыпавшейся цепи, продолжают свое существование в совершенно изменившейся среде. Курные избы, сороки (женские головные уборы), панёвы, сохи, налоговые бирки, пастушьи палки для учета скота и т. д. — все это „привычное“ остается незамеченным, именно в силу своей привычности, и о нем начинают думать только тогда, когда оно уже перешло в прошлое. „Имеем — не храним, потерявши — плачем“. Храним в данном случае не в смысле удержания в жизни пережитков старины, а в смысле их музейного сохранения и научного изучения.

Большой научный интерес, в связи с постановкой вопроса о локальном методе, имеет местная топографическая номенклатура. Так, например, городские названия дают разнообразный материал для историка. В них отразился природный характер местности. В большинстве городов можно встретить названия, сохраняющие память о лесах, полях, болотах и т. д. Часто попадаются наименования, вскрывающие в городах черты сельского быта (Коровий вал, Мельничная ул., Мучной пер., Козье болото и т. д.). Многочисленные названия церквей — типичнейшая черта средневекового города с его делением города на приходы. В Бахчисарае до сих пор все улицы, входящие в приход какой-нибудь мечети, носят ее название. Для промышленных центров весьма характерны производственные названия: Гончарная, Кузнецкий мост, Пушкарская и т. д. Все основные функции города отразились на названиях. Они могут помочь разобраться в торговых связях с другими народами, в транспортных связях с другими городами, в социальном составе населения и его характерном распределении по различным районам. Новым временам свойственны мемориальные названия, выражающие увлечение населения теми или другими идеями, событиями, личностями. Топографическая номенклатура должна стать предметом тщательного изу-

чения: она хранит в себе память о разнообразнейших историко-культурных процессах.

В задачу этой статьи не входит перечисление типов всех возможных в этой области работ. Подобная „инструкция“ нуждается в обосновании в специальной статье. Здесь можно ограничиться примерным указанием на эти три сферы: историко-культурные ландшафты, бытующие пережитки, топографическая номенклатура.¹

Изучение мест, при условии еще недостаточно теоретически разработанного и проверенного на опыте локального приема исследования, должно итти прежде всего по линии собирания материала краевого характера и накопления опыта общения с местами.

Краеведные организации, многочисленными нитями связанные со своим краем, должны включить в программу своих работ поместное изучение истории по архивному материалу и по остаткам как памятников материальной культуры, часть которых сохранилась на своих исконных местах, так и пережитков, бытующих в современности. Изучение прошлого края невозможно без раскрытия многообразных нитей, связующих его с жизнью всей страны. Краеведные организации должны преследовать задачу синтетического знания своего края с его историческими перспективами, с выяснением его значения в общей жизни родины. Можно надеяться и на то, что историческая наука разовьет наметившиеся в ней тенденции областного изучения народного прошлого с применением локального метода. Изучение историко-культурных ландшафтов, как существеннейшая задача исследователя, займет почетное место в работах историка, опирающегося на труды краеведов.²

¹ См. ст. С. В. Бахрушина: „Задачи исторического изучения края“. „Краеведение“, № 3, 1928.

² Помещая статью Н. П. Анциферова, редакция имеет в виду не только выяснение значения локального метода в исторической науке, но вместе с тем и вообще постановку вопроса о задачах и методах исторического исследования в краеведении и обмен мнений краеведов на страницах нашего журнала для всестороннего освещения этого сложного вопроса.